

Дождь прекратился всего на полчаса и снова затянулся - ни сильный, ни слабый, мелкий и нудный, прямо таки в душу лез.

В такую погоду на пристани не бывает лодок для переправы. Но Чжун Мин увидел, что хоть дождь и не прекращается, ветер уже не тот, что с утра - не буря, не шквалы. Поэтому он одолжил лодку у второй тётки и отправился в деревню продавать рыбу. Другой улов можно было бы и оставить до утра, ничего страшного. А вот если ската оставить в воде на ночь, он потеряет весь товарный вид, и убытки будут не на пару медяков, а никто ведь не хочет терять деньги просто так.

Он накинул плащ из соломы, надел плетёную шляпу от дождя. Несмотря на свинцовое небо и неприветливую серость, настроение у него было на редкость приподнятым, даже напевать начал.

— Бамбуковым шестом я плыву, ой-ой-ой, — выводил он, — братец нынче в море штурвал крутит, ой-ой-ой...

— Насобирает выкуп — в дом переедет, ой-ой-ой... жену в покои приведёт, эх, на брачное ложе...

У людей, живущих на воде, от природы звонкий, сильный голос. Такие песенки у них назывались "солёными песнями", их из поколения в поколение передавали простые рыбаки и рыбачки, часто неграмотные. Слова были прямолинейные, как весло, а то и похлеще, некоторые куплеты могли заставить покраснеть даже крепкого парня, не то что девчонку или гера.

Чжун Мин и сам уже не помнил, у кого выучил именно эту песню. Но сегодня настроение было такое, что она вырвалась сама собой и пришлась как раз к месту. Лодка скользила по глади воды, и сквозь дождевую пелену в заливе люди на других судах могли различить лишь смутный, тёмный силуэт.

— Кто ж в такую паршивую погоду пойдёт в деревню, — пробормотал кто-то, завидев смутный силуэт в дожде, — не иначе как с головой не в ладах.

С этими словами он плеснул таз грязной воды в море, втянулся обратно в лодку, плотно прикрыл дверь каюты и снова устроился спать, обняв жену.

Лодка Чжун Мина достигла пристани. Он бросил якорь, зафиксировав судно, и, выйдя на берег, сунул несколько монет мужику, который сидел под бамбуковым навесом и присматривал за пришвартованными лодками. Эта плата была необязательной, но все знали: если не дашь, потом не удивляйся, что кто-то пролезет к тебе на судно и сделает какую-нибудь пакость. Потому и сложилась негласная договорённость - платят все, кто не хочет хлопот.

— В дождь заявился? Значит, груз важный? — лениво отозвался смотрящий.

Он хоть и казался праздным, целый день торча у берега, но занять такую тёплую должность мог только человек с приличной роднёй и связями, не каждому простому рыбацкому парню такое выпадет. Сейчас он неспешно тянул рисовое вино из чашки и закусывал солёной рыбкой с арахисом, явно не страдая от погоды, и с интересом заговорил с Чжун Мином.

А Чжун Мин, впрочем, и не собирался скрывать улов – скат был таким громадным, что и спрятать его толком нельзя. Да и к лучшему: ему как раз не хватало известности на рынке. Впредь он хотел поставить тут свой ларек, и чем больше людей будет знать, на что он способен, тем лучше.

Он слегка отступил в сторону и показал сетку.

— Повезло сегодня — вот такую штуковину поймал. Как тут было не гнать в деревню под дождём, не оставлять же её на лодке на ночь. Вот и пришёл искать, кто купит - может, какому-нибудь управляющему рестораном приглянется.

— Ого! Такая громадина, редко кто вытаскивает! — присвистнул мужик.

Скат, вымоченный в пресной воде, выглядел куда опрятнее, чем сразу после вылова. Если присмотреться, его кожа была вовсе не гладкой, по телу тянулись многочисленные шрамы, оставшиеся от сражений в морской пучине, пересекающиеся во всех направлениях.

Мужчина, глядевший на рыбу через сетку, потрогал её, затем взглянул на хвост.

— Ты отрубил шип? — удивился он.

Чжун Мин кивнул:

— Слишком ядовитая штука. Спокойнее, когда её нет.

Тот с досадой цокнул языком:

— Жаль. У меня тут есть знакомые, что скупают эти шипы, говорят, польза большая. Платят неплохо.

Выяснилось, что об этом деле он узнал случайно - выпивали как-то с приезжим купцом, и тот обмолвился о подобной торговле. Мужчина сразу загорелся: задумал наладить закупку. На пристани он уже расспросил нескольких людей воды. Кто-то, дорожа жизнью, отказался сразу, а кто-то, услышав про цену, загорелся, пообещал поискать - как видно, деньги и правда затмевают разум.

Мужчина не стал вдаваться в подробности, но Чжун Мин всё же насторожился, он ни разу не

слышал, чтобы хвост ската использовали в медицине, и заподозрил, что такой товар могут использовать во вред, для грязных дел.

Поняв, что собеседник не поддержал разговор, мужчина решил сменить тему:

— Ладно, черт с ним. А рыба эта, скажу я тебе, знатная! Я однажды ел, по вкусу прямо как тушёная свинина.

Он с интересом спросил:

— Ты сам уже выбрал, кому продать? Кто-то заказал, или будешь предлагать деревенским ресторанам?

Чжун Мин как раз собирался заглянуть к хозяевам местных заведений — управляющему Миню и управляющему Синю. Такая большая рыба не пролежит до завтра, а в дождь народу в ресторанах вряд ли будет много. Пусть сами решают: или торгуются, кто даст больше, или делят пополам, ему без разницы.

Узнав, что рыбу собираются продать в ресторан, смотрящий за лодками сразу успокоился.

— Как продашь, скажи потом, куда отнёс. Уж коли купят, к вечеру точно пустят её в дело. Я тогда возьму своих и схожу, наемся наконец досыта.

Дальнейшее случилось ровно так, как и предполагал Чжун Мин. В дождливую погоду деревенские лавки работали вяло, с видом, будто вот-вот закроются. Он первым делом понёс рыбу в «», и тут же один из слуг, увидев улов, радостно окликнул управляющего Миня.

Как нарочно, управляющий Синь, у которого из-за дождя и вовсе не было клиентов, в это время коротал день напротив, в чайной, пил чай и слушал песенки. Завидев Чжун Мина с уловом, он тут же перестал слушать, бросил пару монеток музыканту с пипой, и без приглашения явился сам под дождём.

— Старый Минь, такую тушу хочешь себе загрести? А вот и нет! — воскликнул он.

Увидев, как Минь уже примеряется, оценивая габариты ската, Синь подскочил, схватил Чжун Мина за рукав и воскликнул:

— Сколько он тебе предложил? Я даю на пять вэней за цзинь больше, только продай мне!

Минь, поглаживая усики, холодно усмехнулся:

— Пять вэней за цзинь? Да ты меня с попрошайкой перепутал?

Синь не остался в долгу:

— Хоть я и скупердяй, и то щедрей тебя. Кто это, интересно, ходит с гирькой в кармане — будто его это не тяготит?

Чжун Мин спокойно наблюдал, как те спорят, и тем временем взвесил улов на весах ресторана - оказалось, чуть меньше тридцати цзиней, где-то двадцать девять с хвостиком. По нынешним ценам за цзинь ската просят два ляна и полцяня. Сколько конкретно выйдет - уже как договорятся.

В конце концов управляющий Минь уступил: предложил поделить рыбу пополам. Иначе, если спорить и дальше, к вечеру они останутся без ужина. Оба, как деловые люди, быстро пришли к согласию, и уже вместе повернулись к Чжун Мину, чтобы сбить цену:

— Сейчас не сезон, два с половиной многовато. Мы ведь твои старые покупатели. Дай нам скидку по-людски. А то у нас с тобой ещё долгая торговля впереди.

Чжун Мин спешил за сватовскими дарами, а два с половиной ляна за цзинь - это и так была верхняя граница цены. Рыба не принесла ему особых хлопот, и место для торга он предусмотрительно оставил. Какая ж это торговля, если не поторговаться?

Трое долго торговались - один сбавлял десять вэней, другой добавлял пять, спорили, пока языки не стерлись, и в итоге сошлись на цене в двести тридцать вэней за цзинь. Сумма вышла немаленькая. Один из слуг, умело обращаясь с костяшками на счетах, подсчитал окончательно:

— Всего шесть лян и шестьсот семьдесят вэней.

Чжун Мин, услышав это, без колебаний сказал:

— Ладно, эти семьдесят вэней пустяки, не берите в расчёт. Возьму ровно шесть лян шесть цяней — чтобы счёт был удачным, «шесть шесть» — всё к благополучию.

Так и удобнее делить пополам: по три ляна и три цяня с каждого. Минь и Синь не возразили. Тут же оттащили ската во внутренний дворик ресторана «Бафанг» и принялись разделять рыбу на месте.

Люди воды умеют разделять рыбу мастерски. Один из поваров дал разделочный нож и с лёгким наклоном чуть за головой лезвие скользнуло вдоль хребта, выделив ровную половину тушки. Потом рыбу перевернули, и тем же движением сняли вторую половину.

Голова осталась, по сравнению с телом, выглядела она небольшой. Рот снизу приоткрыт, сверху два отверстия, и в целом всё это походило на странное, почти ухмыляющееся человеческое лицо. Из-за такой «морды» скатов и прозвали в народе «рыбой-призраком». На побережье подобных баек хватало. Но как только рыбу подадут на стол, будет ли кому до того, призрак это или нет, лишь бы было вкусно. Голову положили на разделочную доску, взяли кухонный топор и разрубили её пополам.

Голова у большого ската была мясистой, плотной, с желеобразной, почти липкой текстурой, такая, что прямо к губам тянется. Чжун Мин, недолго думая, зачерпнул половинки головы и бросил по одной в каждый таз, мысленно решив: в следующий раз, если поймаю ещё одного, уж точно оставлю немного самому поесть!

Разделённые части рыбы вновь поставили на весы. Небольшая погрешность оказалась неизбежной - у управляющего Миня вышло чуть больше. Тот, даже не моргнув глазом отрезал ножом кусок рыбы и переложил в сторону У=управляющего Синя — мол, не желаю наживаться.

После расчёта Чжун Мин сперва взял серебро у «Бафанг», затем, по просьбе управляющего Синя, помог донести рыбу до его заведения — «Сихая».

— Три лян три цян, пересчитай хорошенько, — строго предупредил он. — А то как уйду — потом не приходи с "ой, не хватало".

Погода на улице портилась, и попугай у управляющего Синя тоже выглядел унылым. Вместо привычного «Желаю богатства!» он теперь без конца твердил: "Скукотища...", за что и получал в клюв семечками, которые раздраженно швырнул Синь-чжангуй.

Чжун Мин едва сдержал смех. Пересчитав деньги, он невзначай спросил, как у них идёт торговля креветочной пастой. Управляющий Синь приподнял брови:

— Вот что я у тебя хотел спросить. Ты так усердно опекаешь того гера... Вы, часом, не родня? Но вроде и фамилии разные, и внешностью не похожи.

— В прошлый раз, когда заходил, — Чжун Мин усмехнулся, — мы ещё не были семьёй.

Намёк был ясен, и управляющий Синь понял его с полуслова.

— Ну-ну, чувствую, вы со своей половинкой ещё не раз опустошите наши карманы, — с усмешкой сказал он.

За одну такую рыбу Чжун Мин выручил шесть лян серебра, грошам от креветочной пасты в два цян за месяц за таким и впрямь не угнаться.

Но Чжун Мин ответил скромно:

— Так, по мелочи... Где уж нам до вас, господина управляющего. Пока вы мясо едите, нам и бульона достаточно.

Слова были простоваты, но в них была суть, и звучали они приятно. Управляющий Синь довольно кивнул:

— Паста хороша, ты только не забывай приносить, как договорились.

Хотя контракт между ними уже был заключён, этот обмен репликами был больше формальностью, вежливой игрой. Оба услышали то, что хотели, и Чжун Мин, сунув серебро в мешочек, попрощался.

Дела на этом не закончились, хлопот предстояло предостаточно.

Готовиться к сватовству означало и подготовку сватовского дара. По сути, это был просто гонорар для свахи: обычно связка монет, запечатанная в красную бумагу. Сколько класть - зависело от щедрости жениха, но обязательно чётное число. Если жених хотел подчеркнуть серьёзность намерений, он нередко добавлял кусок мяса и свёрток сладостей, чтобы рот у свахи был в масле да мёде, и хороших слов о женихе она не жалела.

Сваха, как водится, дело делает за плату, никаких жёстких расценок нет: сколько дашь, на столько и можно рассчитывать. Если дело выгорит и помолвка состоится, принято ещё и после вручать отдельный благодарственный подарок, но это уже будет потом.

Жун-няньцзы из Байшуйао имела хорошую репутацию в деле сватовства. А Чжун Мин не был скупым, он тут же решил подготовить красный конверт с суммой в сто восемьдесят восемь вэней и не забыть про мясо и сладости. Ему было всё равно, что та сваха скажет Лю Ланьцао, она уже давно утратила право голоса. Главное было показать уважение к Су И, чтобы уж на этапе сватов не относились к нему пренебрежительно.

С ясной целью в голове дела спорились быстрее. Сначала он направился в лавку бумаги, где купил несколько листов красной рисовой бумаги. Стандартный лист был в три чи. Когда он сказал, что собирается справлять свадьбу, продавец сразу предложил взять пять листов.

— Красные конверты, обёртки для даров, вырезать иероглифы "Счастье", — пояснил тот. — А в день свадьбы и на фрукты в блюде класть надо будет. Поверьте, купите мало, потом ещё раз бежать придётся.

Чжун Мин подумал, и правда, резон есть.

— Тогда дайте пять, — кивнул он.

Один лист стоил пять вэней и это была ещё не дорогая бумага из лучших сортов. Вот почему простые семьи, если хотели выучить ребёнка, вынуждены были затягивать пояса - бумага и тушь были серьёзной статьёй расходов. А вот для людей воды, вроде них, эти траты чаще всего были недоступной роскошью, да и вряд ли кто бы стал так тратиться.

На улице всё ещё моросил дождик. Чжун Мин аккуратно уложил красную бумагу в плетёную корзину, которую всегда носил на лодке. Корзина была обтянута с четырёх сторон промасленной тканью, сверху накрыта ещё одним куском, чтобы ничего внутри не промокло.

Покинув бумажную лавку, он отправился в мясную и бакалейную лавки. Летом свежее мясо быстро портилось, потому он выбрал кусок вяленой свинины, за него отдал пятьдесят вэней. Сахар продавался фасованным по катти в пакете, двадцать вэней.

В провинции Цзююэ было немало мест, где выращивали сахарный тростник, каждая семья умела варить из него сироп, варить патоку. Так что сахар в этих краях стоил не слишком дорого, пакета хватало надолго, а если гость зайдёт, всегда можно сварить сладкую воду.

Этих трёх вещей было вполне достаточно: не то что сваху из Байшуйао нанять, даже для обычной деревенской сватьи хватило бы с лихвой.

Всё аккуратно разместилось в корзине. Веса почти не чувствовалось, и сам Чжун Мин шёл будто на крыльях. Любой, кто бы взглянул на него, увидел бы, как радость сквозит в его лице, и в том числе это заметил Лю Шуньшуй, с которым Чжун Мин неожиданно столкнулся прямо посреди улицы.

— А-Мин! — окликнул он.

Приподнял широкополую соломенную шляпу, взглянул внимательнее, убедился, что не обознался и крикнул ещё громче.

Чжун Мин не ожидал встретить Лю Шуньшуйа именно в Цинпу. Спросил и узнал, что тот прибыл сюда ещё раньше него. Оказалось, Лю Шуньшуй приехал сюда, чтобы доставить две корзины сушёной морской капусты.

Кому именно и почему непременно в дождь, Чжун Мин не стал спрашивать. Люди воды зарабатывали больше всего именно на продаже морских продуктов, высушенных под солнцем. Часть шла в деревенские лавки, часть перекупщикам, что ездили от села к селу, скупая товар. У каждой семьи был свой путь, своя сеть покупателей, расспрашивать больше положенного значило лезть в чужой хлеб.

А вот Лю Шуньшуй, узнав, что Чжун Мин сегодня продал огромного ската, чуть не подпрыгнул от удивления:

— Да ты в этом году прямо в денежную жилу попал!

Чжун Мин лишь улыбнулся. Разве только в деньгах ему повезло?

Раз уж встретились, пошли дальше вместе. К тому же обратно Лю Шуньшуй как раз собирался сесть на лодку семьи Чжун. В обед, когда добирался сюда, ему повезло, успел попасть на попутное судно, пока был перерыв в дожде. А вот на обратном пути ему повезло меньше.

Чжун Мин сначала собирался сразу возвращаться, но, пройдя немного, вдруг поднял глаза и увидел вывеску ювелирной лавки. Мысль пришла сама собой, шаги замедлились. Он обернулся к Лю Шуньшую:

— Ты не спешишь? Я тут хотел бы ещё кое-что купить.

Лю Шуньшуй, которому предстояло лишь попутно сесть на лодку, конечно же, не возражал и с готовностью согласился.

— Я не спешу, ты как хочешь, — отозвался Лю Шуньшуй.

Чжун Мин кивнул и направился прямо к ближайшей серебряной лавке, поднялся по ступеням. Корзину, с которой скапала вода, он снял с плеч и оставил под навесом у входа.

Лю Шуньшуй не умел читать и не распознал вывеску. Следом за другом шагнул внутрь и чуть было не решил, что перепутал двери. В лавке, где продавали столь дорогие вещи, даже ткань на одежде у продавцов была добротнее, чем в других местах, а в воздухе витал тонкий аромат, описать который он бы и не смог.

Он так растерялся, что даже не знал, с какой ноги заходить, с левой или с правой. Дёрнул Чжун Мина за рукав и, понизив голос, прошептал:

— Ты серьёзно... серебряные украшения хочешь купить?

Только проговорил и будто вспыхнул, вспоминая.

— Слушай, а не про того ли самого гера ты тогда говорил, когда мы пили? — воскликнул он, глаза округлились от изумления.

— Потом расскажу, — сказал Чжун Мин и хлопнул его по спине.

Лю Шуньшуй на миг замер, о чём-то задумавшись, но вскоре пришёл в себя и догнал товарища. Сам по себе он бы в такую лавку в жизни не осмелился войти. Но раз Чжун Мин рядом, уже не

страшно. Да и полезно: глядишь, в другой раз, как денег подкопит, и сам сюда заглянет, выбрать что-нибудь для того самого гера из семьи Ге, что давно запал ему в душу.

Не говоря уж о Лю Шуньшуйе, сам Чжун Мин за две жизни впервые в жизни переступал порог серебряной лавки. От обилия блеска и узоров в глазах у него зарябило. Он не стал ходить вокруг да около и прямо сказал продавцу:

— Мне нужна пара маленьких серебряных бусин для ушей, такие, что носят геры, и ещё одну заколку.

Продавец, который до этого лениво протирал стойку и скучал — за целое утро, что шёл дождь, не заглянул ни один покупатель — сразу встрепенулся. Пусть перед ним стоял и бедноватый на вид человек с лодки, но заказ был ясный, чёткий, с расчётом. Такие клиенты - мечта для лавки: пришёл, всё назвал, купит обязательно.

— Всё есть, конечно есть! — оживился он. — Серебряные бусины — и побольше, и поменьше. А заколки у нас как раз новый набор, только что с мастерской, мастер сам отковал!

Он достал длинный лоток, разделённый на ячейки и выстланный тёмной тканью. В каждой ячейке лежало по одной заколке - узорные, тонкой работы. Затем вынул небольшой деревянный поднос, где лежало несколько пар серебряных бусин, очень похожих на те, что носила Ни Умэй.

Чжун Мин склонился над витриной, разглядывая. Рядом заглянул и Лю Шуньшуй, внимательно всматриваясь.

— А чего это на одной иголке сразу две бусинки? — спросил он.

Когда Чжун Мин задал вопрос, приказчик с лёгкой усмешкой объяснил:

— Да это многие мужчины не знают. Видите ли, если сзади у бусины не будет второй — чтобы закрыть прокол в ухе, — она при резком движении головы просто вылетит.

— Так вот оно что, — понял Чжун Мин.

Он прикинул размер бусин, слишком мелкие ему не понравились, выбрал средние. Су И был худощав, с тонкими и аккуратными мочками. Крупные серьги, скорее всего, смотрелись бы на нём неуместно.

Далее он перешёл к выбору заколки. Как и говорил продавец, выбор был действительно разнообразен: в ряду лежали десятки образцов - с вырезанными листьями бамбука, с резными персиковыми цветами, в форме веера, или в виде традиционного символа "жуи" - исполнения желаний.

Лю Шуньшуй незаметно подтолкнул его локтем:

— А ты возьми вот ту, с бабочкой. Уверен, геру твоему понравится.

Чжун Мин продолжал разглядывать заколки, но с усмешкой ответил:

— Говоришь так, будто знаешь, кому я собираюсь это дарить.

А я разве не знаю? — мысленно фыркнул Лю Шуньшуй. Не кому иному, как моему кузену. Бабочки его любимый узор.

Ещё во время той попойки у него и возникло подозрение: уж не на Лу Юя ли Чжун Мин положил глаз? И по срокам, и по поведению всё вполне сходилось.

А как же иначе? — рассуждал про себя Лю Шуньшуй. До того, как Лу Юй принес воду, Чжун Мин сам клялся, что у него никого нет. А потом - бац, и вдруг появился кто-то. Да это же яснее ясного! Уж кто-кто, а мой кузен и на лицо хорош, и фигурой, не удивительно, что Чжун Мин воспылал к нему чувствами. Да и кузен, по всему, к нему неравнодушен. Что может быть лучше?

А теперь ещё и Чжун Мин такой деловой, зарабатывает хорошо. Если кузен немного надавит на тётку, да с лаской подойдёт, та и сама согласится.

Чем больше Лю Шуньшуй об этом думал, тем радостнее становился, словно уже пригубил свадебного вина на их помолвке.

А Чжун Мин и не подозревал, какие картины рисуются у того в голове. Он попросил показать шпильку с бабочкой, повертел в руках, но в итоге вернул обратно.

Лю Шуньшуй заволновался:

— Чего ж ты, она тебе не по вкусу?

Он был уже на грани того, чтобы на лбу у себя написать: «Я же тебе помогаю!»

— Слишком вычурная, — коротко ответил Чжун Мин.

Он не стал ничего объяснять, но в душе чувствовал: узор бабочки не для Су И. Совсем не его. Опустив глаза, он вновь стал вглядываться в шпильки, одну за другой. И в итоге выбрал ту, что была украшена узором кои - символом удачи и преодоления преград.

— Мне вот эта нравится куда больше, — сказал Чжун Мин.

Продавец с готовностью поднёс шпильку, рассыпаясь в похвалах:

— У клиента и впрямь отменный вкус! Эта шпилька - новинка нашей лавки. Полюбуйтесь: хвост кои вырезан по форме, изгиб повторяет саму шпильку - вот где видно мастерство серебряных дел мастера. А гляньте сюда - тут и водная рябь выгравирована, будто и впрямь рыба скользит по воде.

Чжун Мин уточнил цену, и продавец, довольный интересом к дорогому товару, с улыбкой сообщил:

— Уважаемы клиент, раз уж вы так приценились, скажу — она даже чуть дороже той, что с бабочкой. Цена два ляна и два цяня.

Лю Шуньшуй, услышав это, чуть не лишился дара речи, ноги у него подкосились.

— Да это ж сколько?! — выпалил он.

В ней и серебра-то на лян не тянет, чего уж говорить о двух...

Продавец даже не повернул к нему головы, всё равно не он платит, чего впустую рот открывать. А вот другой покупатель — статный, плечистый, с ясным взглядом — услышал цену и глазом не повёл, видно было, что деньги для него не вопрос, и потратиться на любимого не жалко.

— Беру, — сказал Чжун Мин. — И шпильку, и серебряные бусинки.

<http://bllate.org/book/13583/1205006>